

тельных персонажей. Это аульский богач Саад, кровник Беки, старшина Ази, который «никогда не отличался добрым нравом», купец Соси, который вылезал из кожи вон, чтобы получить похвалу от старшины, богач Мазай и другие. Проблемы, поднятые в произведениях Ахмета Бокова, их созвучие с реалиями того времени придают особую окраску его творчеству. Через сложную систему созданных им образов он оказывал последовательно активное влияние на формирование общественного мнения не только в среде ингушей. Наследие Ахмета Бокова получает продуктивный отклик в работах многих писателей, что является свидетельством таланта писателя. Яркие образы, интригующее начало – все это, основано на высокой идейно-эмоциональной насыщенности произведений.

Способность воссоздания многоплановой картины окружающего мира является ценным качеством произведений Ахмета Бокова, в которых переплетаются нравственные и эстетические характеристики и оценки. Писатель самым активным образом выступает против духовной пустоты и равнодушия. Герои его произведений силой обстоятельств оказываются в ситуациях, когда от них требуется нравственный выбор. Их победа обусловлена силой духа человека, который в критические минуты жизни сознательно выбирает добро. Его романы, написанные с болью в душе, глубокие по содержанию имели и имеют широкий общественный резонанс. В центре всех его произведений стоит проблема нравственного выбора, которая раскрывается им через систему отрицательных и положительных образов.

В романе «Сыновья Беки» одними из главных героев являются и дети. Дети Беки, дети Гойберда и др. Ю. Айдаев пишет: «Немало прекрасных страниц романа отведено детям. Они надежда не только своей семьи, но и всего народа. Проникая во внутренний мир своих юных героев, раскрывая их психологию, показывая сложный процесс их роста, автор старается показать, как рождается Человек. Потому он так подробно останавливается на воспитании чувств, психологии взаимоотношений» [2].

В романе «Багровые зори» писатель показывает конфликт той трудной революционной поры, когда в жизни каждого горца происходили стремительные события. Здесь писатель создает систему образов, портретов сложного времени первых лет коллективизации. Автор повествует о тревожных и радостных событиях в жизни сельчан. Новое время действует на умы горцев по-разному. Нелегко приходило утверждение новых трудовых и моральных идеалов в душе горца, который веками привык наде-

яться только на свои собственные силы. И в новой социалистической системе имеются упущения. Несознательность и робость людей оборачивается против них же. Основной сюжетной линией романа является трагическая любовь Мурада к своей сельчанке Залихан. Здесь четко показаны самобытные черты ингушского характера. Мурад олицетворяет собой порыв справедливости. В романе убедительно показаны образы женщин-горянок, в частности, образ возлюбленной Мурада – Залихан. Переводчик романа Николай Шундик отмечает, что «часто впечатляет читателя те страницы, где горянка страдает, но как только дело доходит до бунта, до взлёта её духа в протесте, в борьбе начинается декламация, уходят психологизм... начинается торжество заданности».

В 1984 году за роман «Юрский горизонт» Ахмет Боков был удостоен премии ВЦСПС и Союза писателей СССР за лучшее произведение о современном рабочем классе и колхозном крестьянстве.

События романа разворачиваются в той же Алачуртской долине, где происходили события предыдущих романов. Производственный конфликт перерастает в большую социальную проблему, которая определяет степень нравственных критериев. «Юрский горизонт – это глубокий земной пласт, на первый взгляд отпугивающий своей недостижимостью. Но жизнь властно выдвигает необходимость осваивать земные глубины. В центре повествования поставлены страстные в своих действиях люди, начальники управления буровых работ...» [3].

Произведения Ахмета Бокова интересны по своему содержанию. Его произведения легко читаются, запоминаются. Оставляют яркие образы, впечатления после прочтения. В его романах поднимаются вопросы дружбы, сотрудничества, взаимопомощи, аккуратности, внимательности. Это позволяет героям развиваться как социально-культурные личности. Писатель блестяще владеет мастерством. Обращение к ингушскому фольклору определило народный склад повестей и романов Ахмета Бокова. Для раскрытия духовной жизни героя писатель использует яркую метафоричность, соответствующую лексику, пословицы и поговорки, сравнения.

Таким образом, главной темой произведений Ахмета Бокова является вера в настоящего человека, который способен изменить существующую действительность к лучшему. Автор ищет настоящего человека и находит его среди самых разных людей. Ахмет Боков показывает жизнь своего народа с его духовными устремлениями и неиссякаемым трудолюбием.

Библиографический список

1. Гальперин Ю. Рецензия на роман «Сыновья Беки». *Дружба народов*. 1970; 7.
2. Айдаев Ю. Пробуждение. *Грозненский рабочий*. 1970; 22.
3. Брудный Д. Родом из Малгобека. *Литературная Россия*. 1985.

References

1. Gal'perin Yu. Recenziya na roman «Synov'ya Beki». *Druzhba narodov*. 1970; 7.
2. Ajdaev Yu. Probuzhdenie. *Groznenskiy rabochij*. 1970; 22.
3. Brudnyj D. Rodom iz Malgobeka. *Literaturnaya Rossiya*. 1985.

Статья поступила в редакцию 18.08.15

УДК 81'367.335

Verdesh A.A., postgraduate, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Department of the Russian Language, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), E-mail: minasyan-90@mail.ru

DIRECT SPEECH IN THE LITERARY TEXT OF A NONCLASSICAL PARADIGM: NEW DEVELOPMENTS. The paper attempts to understand new developments in the field of direct speech, typical of literature "non-classical paradigm". A comparative analysis is performed for the first time on the material of Russian, English and French, which in theory contributes to the deepening of our understanding of the new phenomena in the syntax of a literary text. On the basis of examined data it is concluded that the literature of the "non-classical paradigm" has a tendency to remove the boundaries between the speech of a narrator and a character. The author identifies two groups of innovations in the field of direct speech: innovations related to graphic design of direct speech, and the phenomena that violate grammatical structure designs with direct speech. In addition, the article reveals commonness of punctuation-graphic and syntax methods for texts created in different languages.

Key words: direct speech, new developments, punctuation, parataxis, non-classical syntax.

A.A. Вердеш, аспирант каф. русского языка института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного Федерального Университета, г. Ростов-на-Дону, E-mail: minasyan-90@mail.ru

ПРЯМАЯ РЕЧЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ

В статье предпринимается попытка осмыслить новые явления в области прямой речи, характерные для литературы «неклассической парадигмы». Анализ является сопоставительным и впервые проводится на материале русского, английского и французского языков, что в теоретическом плане способствует углублению наших представлений о новых явлениях в синтаксисе художественного текста. На основании анализируемого материала делается вывод о том, что для литературы «неклассической парадигмы» характерна тенденция к стиранию границы между речью повествователя и персонажа. Автор выделяет две группы новаций в сфере прямой речи: новации, связанные с графическим оформлением прямой речи, и явления, нарушающие грамматическую структуру конструкций с прямой речью. Кроме того, в статье делается вывод об общности пунктуационно-графических и синтаксических приемов для текстов, созданных на разных языках.

Ключевые слова: прямая речь, новые явления, пунктуация, паратакисис, неклассический синтаксис.

Язык активно развивается, и художественный текст часто становится своеобразным «полигоном» для экспериментов, на котором испытываются и вырабатываются новые средства выражения мысли. Эти явления требуют пристального внимания со стороны лингвистов, поскольку в них, с одной стороны, актуализируются возможности системы, находящиеся за пределами актуальной нормы, а с другой – намечаются вероятные направления развития языка.

Одной из сфер синтаксиса, переживающей в литературе XX века серьезные трансформации, являются конструкции прямой речи (ПР). Новые явления в области оформления ПР в художественном тексте уже становились объектом исследования (см., например, работы [1 – 4] и др.). Хотя основы для исследования этих новаций можно считать заложенными, все перечисленные работы выполнены на материале одного языка, а исследований сопоставительного характера до сих пор не проводилось.

Согласно М.Я. Блоху и Ю.М. Сергеевой, «прямая речь определяется как способ передачи чужого высказывания, при котором последнее (или его часть) не меняет внутреннюю грамматическую структуру, сохраняя законченность самостоятельного высказывания»; особый статус ПР определяется её двучастностью, то есть наличием вводящих слов автора, включающих глагол говорения или близкий ему по смыслу глагол, и чужой речи, то есть слов персонажа [5, с. 95]. В формальном плане особенность конструкции с прямой речью (ПР) заключается в том, что её нельзя свести ни к одному известному типу сложного или осложненного предложения [6, с. 28 – 35; 7].

ПР противопоставляется косвенной речи, которая оформляется как придаточное предложение, представляет собой трансформацию реплики персонажа и ориентирована на передачу смысловой, но не стилистической стороны чужой речи. Кроме того, ПР противопоставляют несобственно-прямой речи, в которой грамматические и стилистические признаки чужой речи полностью или частично сохраняются [8; 9, с. 199]. Как указывал А.Ф. Кулагин, термин «чужая речь» носит довольно условный характер, потому что включает не только речь другого лица, но и речь самого говорящего, когда она вводится в высказывание другого временного плана [10, с. 82].

В результате анализа собранного материала были выявлены два основных направления синтаксических новаций, связанных с введением и оформлением ПР. К первой группе относятся явления, связанные с графическим оформлением ПР, ко второй – явления, нарушающие структуру конструкций ПР в плане грамматики.

Отказ от графического оформления ПР является одним из наиболее распространенных и очевидных «отклонений», которые характерны для текстов «неклассической парадигмы». При этом данное явление имеет различные формы и создает различные текстовые эффекты.

Довольно часто отказ от пунктуационно-графического оформления прямой речи закономерно вытекает из стратегии пунктуационного оформления текста, сознательно избранной автором, и как бы является её продолжением. Очевидным является отсутствие оформления прямой речи в тексте, не имеющем пунктуационного оформления: *Bon ce n'est pas le tout mesdames dit-elle assez d'attendrissements s'agit de savoir si nous poursuivons le classement comme nous en étions convenues ou si nous laissons tout ça en vrac je suis d'avis qu'étant donné nos loisirs plutôt que de tricoter pour les pauvres nous ferions œuvre tout aussi utile d'ordonner définitivement les manuscrits de notre bienfaiteur* (R. Pinget, Cette Voix). – *Хорошо но это не все дамы говорят она довольно умиленный необходимо узнать будем ли мы следовать принципам сортировки как условились или оставим все*

это свалив в кучу я держусь того мнения что не тратя наш досуг на вязание для бедных мы совершили бы не менее доброе дело по окончательному приведению в порядок рукописей нашего благодетеля; A moment earlier O'Neil had a stiff and worried air but now there was a dainty sort of prance about him. O yes said he all children should know their history indeed it is quite essential (P. Carey, True History of the Kelly Gang). – *Минуто назад вид у О'Нила был окостенелый и встревоженный но теперь он словно бы гарцевал. Нет надо сказал он все дети должны знать их историю это же так важно* (пер. И. Гуровой). В первом примере ПР героини не отделяется от вводящих ее авторских слов (*dit-elle*), и отсутствие пунктуации в этом случае представляет собой частное проявление общей стратегии автора, которая не предполагает использования знаков препинания и проявляется в отсутствии пунктуационного членения самой реплики. В романе П. Кэри пунктуационная стратегия автора заключается в формировании образа полуграмотного рассказчика, что находит отражение в чрезвычайно редуцированной пунктуации, которая фактически сводится к использованию точек для разделения предложений. Отсутствие знаков препинания, отделяющих ПР от слов рассказчика, также оказывается закономерным продолжением общего графического облика текста.

Однако отказ от пунктуационного выделения ПР не обязательно связан с отсутствием пунктуационного оформления текста вообще. По всей видимости, это свидетельствует о том, что ПР воспринимается авторами как особый материал для пунктуационно-графических экспериментов.

Отсутствие пунктуационно-графического оформления прямой речи приводит не только к размытию границ между речью персонажа и речью автора (повествователя, рассказчика), но и к потенциальному смешению речи различных персонажей: *Я смело вхожу. Смело. Я вхожу. Добрый вечер. Смело. Вечер добрый, радость моя, сделайте мне удовольствие. Я достаю патефон со шкафа. Довоенный патефон, купленный тогда-то и там-то. Кем-то* (С. Соколов, Школа для дураков). Фраза *Добрый вечер* произносится главным героем романа, фраза *Вечер добрый, радость моя, сделайте мне удовольствие* – другим персонажем, Шейной Соломоновной, которая время от времени просит главного героя достать ей старый граммофон. Обе эти фразы в равной степени смешаны с речью главного героя (повествователя), который вспоминает о прошедших событиях, и различить их можно только на основании смысловых и стилистических признаков.

Один из распространенных способов введения ПР в текстах «неклассической парадигмы» – это инкорпорация реплики в паратактический (преимущественно бессоюзный) ряд. Независимо от того, оформляется ли ПР как таковая, в таких случаях происходит грамматическое уравнивание ПР с речью повествователя. Это можно проиллюстрировать следующим примером: *... le chien-loup me saute dessus, le petit gardien souriant le calme, «couché, César, couché!», il propose de porter mon sac, non, merci, sa femme maigre et noire jette un coup d'œil soupçonneux sur mon apparition, je pénètre dans la maison, je retrouve ma chambre* (Sollers, Passion fixe). – *...сверху на меня прыгает волкодав, улыбающийся миниатюрный сторож успокаивает его, «лежать, Цезарь, лежать», он предлагает донести мою сумку, нет, спасибо, его тощая и темная жена смотрит на мое появление с подозрением, я проникаю в дом, я возвращаюсь в мою комнату*. В примере содержится две реплики. Первая реплика («*couché, César, couché!*») имеет при себе вводящие слова (*le gardien le calme*); хотя эта реплика выделяется кавычками, от вводящих слов она отделяется запятой (хотя здесь следовало бы ожидать двоеточия). Вторая реплика (*non, merci*), которую произносит в

описываемых событиях повествователь, отделяется от остального текста только запятыми и не имеет при себе вводящих слов (например, *dis-je*). Отсутствие кавычек в этом случае можно объяснить стремлением разграничить собственную речь повествователя, который описывает происходящие с ним события, и речь других персонажей, которая, как следует из первой реплики, кавычками выделяется. Тем не менее, само повествование и реплика принадлежат к различным речевым пластам, и контекст паратактического ряда как бы снимает противопоставление между авторским повествованием и репликами, принадлежащими к описываемым событиям.

Следующий пример также иллюстрирует слияние различных речевых пластов в рамках одного речевого ряда, основанного на паратактической связи: *...это все чушь, а вот я справилась с ситуацией, усадила малыша, стала гладить его ручки, уговаривать дышать носиком, ну, спаленечку, ну ну носиком вот так, не плачь, эх, если бы был рядом второй человек нагреть воды!* (Л. Петрушевская, *Время ночь*). Фрагмент начинается со слов рассказчицы, которая описывает прошедшие события, затем продолжается словами, которые она адресует внуку в прошлом, и, наконец, завершается внутренней речью героини – восклицием, которое также принадлежит описываемой ситуации, хотя и не адресовано ее участникам. Как видим, паратактический ряд создает условия для совмещения и уравнивания качественно различающихся речевых пластов.

Гораздо менее распространенный способ заключается в лишении речи персонажа грамматической самостоятельности. В обычном случае реплика в диалоге представляет собой высказывание, которое является завершенным в грамматическом плане. Однако в примерах рассматриваемого типа это качество отсутствует, ср.: *Вы, деточка, уже не девочка, чтобы не понимать, свидетелями какого чуда мы нынче с вами являемся вопреки всем научным законам бесплодия, которое, перебивая его, меня распрекрасным образом устраивало, во что, возражает он мне, я никогда не верил и не поверю, видя в этом одну лишь стоическую систему вашей, деточка, самозащиты, а зря, Станислав Альбертович, очень зря, и вообще рассказать бы вам о нюансах этого чуда, так вы бы сами поняли, что это не вариант, и, вместо того, чтобы горячиться, потребовали бы как врач безотлагательно прекратить развитие чуда в зародыше, на чем, собственно, и настаиваю и что, согласно моим правам и желаниям, исполню, предпочтительно с вашей помощью, любезный Станислав Альбертович* (В. Ерофеев, *Русская красавица*). Спаянность, цельность этого фрагмента достигается за счёт того, что диалог строится как последовательность реплик, которые соединены союзами и союзными словами. И если наличие сочинительного союза *а*, которым соединены третья и четвертая реплика, в целом естественно, то использование союзных подчинительных слов *которое* и *во что* для соединения первой, второй и третьей реплик создает более сильную связь, превращая диалог в грамматически цельную фразу. Представляется очевидным, что адекватное, соответствующее нормам пунктуационно-графическое оформление ПР в этом примере является проблематичным.

В следующем примере реплика персонажа, графически не отделенная от речи рассказчика, утрачивает грамматическую границу из-за соединения компонентов реплики со словами, которые могут принадлежать только к речи повествователя: *...perhaps it was too much for him, the thought I won't be here, perhaps he had this thought inside him, insistently, by now, all hope gone, saying, I won't be here to see this, or that, or whatever, even to see this article we were talking about...* (B. S. Johnson. *The Unfortunates*). — ...возможно, для него это было слишком, мысль меня тут не будет, возможно, эта мысль присутствовала в нем, настойчиво, к этому времени, без надежд, говоря, меня тут не будет, чтобы видеть это, или то, или что угодно, даже чтобы видеть эту статью, о которой мы в тот момент говорили... Переключение между речью персонажа и речью автора происходит внутри грамматически цельной фразы и маркируется только грамматически, а именно особой формой глагола. С точки зрения персонажа следовало бы сказать *even to see this article we are talking about*, поскольку слова, приписыва-

емые персонажу, произносятся в момент, когда происходит разговор. Использование же прошедшего продолженного времени однозначно свидетельствует о том, что последнее придаточное предложение принадлежит уже к сфере сознания рассказчика, вспоминающего описываемую ситуацию. Такая структура фразы придает компоненту *even to see this article* неопределенный статус. С одной стороны, формально он является продолжением фразы персонажа; с другой стороны, наличие придаточного предложения побуждает сделать вывод о том, что этот компонент принадлежит к речи рассказчика. Это приводит к невозможности провести границу между речью персонажа и речью рассказчика (и, в частности, к невозможности расставить кавычки, отделяющие реплику от речи рассказчика).

Оба способа, то есть паратактическое присоединение и гипотактическое подчинение, могут использоваться вместе, что позволяет говорить об их синтезе. Результатом этого могут быть сложные конструкции, в которых реплика персонажа, не сопровождаемая авторской ремаркой, инкорпорируется внутрь сложноподчинённого предложения, ср.: *И после того, как тетка в метро обложилась: «Это антисанитарно носить собаку шапку, это нарушение закона, вы поощряете спекулянтов, собака агонизировала сорок минут!» — «Что же мне теперь отпустить ее на волю, беги, шапка, тья-тья, знаю, шапка по кличке Дружок», — она сказала: «Тоже ничего»* (В. Нарбикова, *Равновесие света дневных и ночных звезд*). Прежде всего, базисной структурой данного высказывания является сложноподчинённое предложение, соединяющее две вводящих прямую речь ремарки (*И после того, как тетка в метро обложилась... она сказала...*). Однако между двумя конструкциями прямой речи вклинивается третья реплика, которая не имеет при себе вводящей ремарки (*Что же мне теперь отпустить ее на волю, беги, шапка, тья-тья, знаю, шапка по кличке Дружок*). Такое включение представляет собой проявление паратактической связи, поскольку отдельные реплики соединяются посредством простого соположения. Хотя соположение реплик без вводящих авторских слов широко используется в художественной литературе для придания диалогу динамичности, необычной чертой приведенного примера является то, что реплики сопологаются внутри одного предложения, а потому в их соединении можно видеть аналог бессоюзной связи.

Таким образом, исследованный материал показывает, что передача чужой речи в текстах неклассической парадигмы становится материалом для синтаксических экспериментов. Для этих экспериментов характерно стирание четкой границы между речью повествователя и персонажей. В некоторых случаях это достигается в силу авторской пунктуационной стратегии, а именно в силу отказа от пунктуационного оформления текста в целом либо ограниченного использования пунктуации. Однако не менее частотными являются случаи, когда писатели используют особые синтаксические техники стирания границы между различными речевыми пластами. Среди них следует упомянуть грамматические трансформации и паратактический принцип организации текста, в котором компоненты различных речевых пластов просто сопологаются.

Кроме того, исследованный материал позволяет сделать вывод об общности синтаксических процессов в языке европейской и русской художественной литературы последних десятилетий. Это подтверждает сформулированную Е.А. Покровской [4] гипотезу о проявлении в синтаксическом строе художественных текстов XX века двух парадигм культуры – классической и неклассической. Если для классической парадигмы, которой соответствует иерархический синтаксис, характерно стремление выразить упорядоченность, организованность, устойчивость мира, то неклассическая парадигма, напротив, отрицает иерархию и упорядоченность, что находит отражение в искажении синтаксических структур. Стирание границ между речью автора и персонажа представляет собой частный случай преодоления иерархичности текста. Проведенное исследование также позволяет сделать вывод, что писатели, тяготеющие к установкам неклассической парадигмы, прибегают к аналогичным языковым средствам независимо языка, на котором создаются их произведения.

Библиографический список

1. Зорина Е.С. Чужая речь и речь автора в современном художественном тексте. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 9: Филология. Востоковедение. *Журналистика*. 2011; 4: 134 – 139.
2. Ломов А.М. Чужая речь в письменном тексте. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012; 8: 31 – 36.

3. Мартынова И.А. Трансформация конструкций с прямой речью в русской прозе. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014; 4 (20): 136 – 140.
4. Покровская Е.А. *Русский синтаксис в XX веке: Лингвокультурологический анализ*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2001.
5. Блох М.Я., Сергеева Ю.М. *Внутренняя речь в структуре художественного текста*. Москва: МПГУ, 2011.
6. Ильенко С.Г. *Русистика*. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
7. Чумаков Г.М. *Синтаксис конструкций с чужой речью*. Киев: Вища школа, 1975.
8. Слободская Ю.В. *Способы передачи чужой речи: оппозиционный анализ*. *Ярославский педагогический вестник*. 2010; 3: 139 – 143.
9. Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры, 2003.
10. Кулагин А.Ф. *Конструкции с прямой речью и сложное предложение*. *Русский язык в школе*. 1969; 1: 82 – 89.

References

1. Zorina E.S. Chuzhaya rech' i rech' avtora v sovremennom hudozhestvennom tekste. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. *Zhurnalistika*. 2011; 4: 134 – 139.
2. Lomov A.M. Chuzhaya rech' v pis'mennom tekste. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2012; 8: 31 – 36.
3. Mart'yanova I.A. Transformaciya konstrukcij s pryamoj rech'yu v russkoj proze. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014; 4 (20): 136 – 140.
4. Pokrovskaya E.A. *Russkij sintaksis v HH veke: Lingvokul'turologicheskij analiz*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2001.
5. Bloh M.Ya., Sergeeva Yu.M. *Vnutrennyaya rech' v strukture hudozhestvennogo teksta*. Moskva: MPGU, 2011.
6. Il'enko S.G. *Rusistika*. Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gercena, 2003.
7. Chumakov G.M. *Sintaksis konstrukcij s chuzhoj rech'yu*. Kiev: Vischa shkola, 1975.
8. Slobodskaya Yu.V. *Sposoby peredachi chuzhoj rech'i: oppozitsionnyj analiz*. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2010; 3: 139 – 143.
9. Shmid V. *Narratologiya*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003.
10. Kulagin A.F. *Konstrukcii s pryamoj rech'yu i slozhnoe predlozhenie*. *Russkij yazyk v shkole*. 1969; 1: 82 – 89.

Статья поступила в редакцию 22. 09.15

УДК 81'272

Guseynova A.V., Cand. of Science (Philology), junior researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altay Turcology, Katanov Khakass State University (Abakan, Russia), E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

THE SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION OF THE KHAKASS REPUBLICAN LANGUAGE. The article presents an analysis of the language legislation of the Republic of Khakassia, which has allowed to establish that the individual articles of the Law "About Languages of Peoples of the Khakassia Republic" has repeatedly been adjusted, some of which led to the weakening of minority languages in the republic. Special attention is paid to the work of special programs for the preservation and development of languages of the peoples of the Khakassia Republic, the implementation of which has a great impact on the language situation in the region. The author comes to the conclusion that the advisory nature of the legislation of the republican language regarding the use of the Khakass language in social spheres, including education, contributes to the preservation of inter-ethnic harmony, on the one hand, and, on the other hand, the decline in the prestige and relevance of the Khakass language.

Key words: language policy, language legislation, Khakass language.

А.В. Гусейнова, канд. филол. наук, мл. науч. сотр. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФБГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан, E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

В статье представлен анализ языкового законодательства Республики Хакасия, который позволил установить, что отдельные статьи Закона «О языках народов Республики Хакасия» неоднократно подвергались корректировке, некоторые из которых приводили к ослаблению позиций миноритарных языков республики. Особое внимание уделяется работе специальных программ сохранения и развития языков народов Республики Хакасия, реализация которых имеет большое влияние на языковую ситуацию в регионе. Автор приходит к выводу о том, что рекомендательный характер республиканского языкового законодательства в отношении использования хакасского языка в социальных сферах, включая образование, способствует сохранению межэтнического согласия, с одной стороны, и снижению престижности и востребованности хакасского языка, с другой.

Ключевые слова: языковая политика, языковое законодательство, хакасский язык.

В эпоху стремительного развития информационных технологий и процессов глобализации будущее множества миноритарных языков оказалось под угрозой. По этой причине правовое положение языка стало предметом активного законодательного регулирования во многих странах мира, в том числе в Российской Федерации. Языковая политика нашей страны ориентирована на сохранение языкового многообразия и предоставляет республикам большие возможности для развития региональных языков.

Конституция Республики Хакасия, принятая 25 мая 1995 года, официально устанавливает двуязычие. Статья 69 основного документа республики гласит: «Государственными языками Республики Хакасия являются русский и хакасский языки. Республика Хакасия гарантирует всем национальным общностям, проживающим на её территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [1, с. 18]. Положения Республиканского закона «О языках народов Республики Хакасия», принятого в 1992 году, во многом перекликают-

ся с аналогичными статьями Федерального закона «О языках народов РФ»: он также провозглашает равноправие и предполагает активную поддержку языков, функционирующих на обозначенной территории. Согласно Закону [2], в компетенцию Правительства Республики Хакасия входит разработка, утверждение и финансирование долгосрочных целевых программ сохранения, изучения и развития языков народов Республики Хакасия (ст. 7), а гражданам, как и в Федеральном законе, предоставляется право на самостоятельный выбор языка общения, обучения и воспитания (ст. 8, 9). Глава III настоящего Закона регламентирует использование языков народов Республики Хакасия в работе органов государственной власти Республики Хакасия и органов местного самоуправления. Согласно ст. 10, работа в органах государственной власти Республики Хакасия, органах местного самоуправления осуществляется на государственном языке Российской Федерации, однако наряду с ним может употребляться хакасский язык. Следует отметить, что в прежней